

Николай Карамзин

Стихотворения

Часто здесь в юдоли мрачной

Часто здесь в юдоли мрачной
Слезы льются из очей;
Часто страждет и томится,
Терпит много человек.
Часто здесь ужасны бури
Жизни океан мятут;
Ладия наша крушится
Часто среди ярых волн.
Наслаждаясь, унываем;
Веселясь, слезы льем.
Что забава, то причина
Новая крушить себя.
На кусту здесь Филомела
Нежны песенки поет;
Ей внимая, воздыхаешь,
Вспомня, сколько беден ты.
Чем во внешности утехи
Чаще будешь ты искать,
Тем ты более постраждешь,
В жизни горечи найдешь.
Что в том нужды, что страдаешь

Ты почаству от себя?
Ты, страдая, смело можешь
Звать несчастливым тебя.
Но ты должен постараться
Скорби уменьшать свои,
Сколь сможешь утешаться,
Меньше мучить сам себя.
Впредь не думай, что случиться
Может страшного тебе;
Коль случилось, ободряйся;
Что прошло, позабывай.
Не ликуй ты при забавах,
Чтоб не плакать после их;
Чем кто более смеется,
Тем вздыхает чаще тот.
Ни к чему не прилепляйся
Слишком сильно на земле;
Ты здесь странник, не хозяин:
Всё оставить должен ты.
Будь уверен, что здесь счастье
Не живет между людей;
Что здесь счастьем называют,
То едина счастья тень.

Но что же скажем мы о времени прошедшем

Из письма к И. И. Дмитриеву

Но что же скажем мы о времени прошедшем?
Какими радостями, мой друг, питались в нем?
Мы жили, жили мы — и более не скажем,
И более сказать не можем ничего.
Уже наш шар земной едва не четверть века
Свершает круглый путь, вокруг солнца обходя,
Как я пришел в сей мир, иль, попросту,
родился;
Но всё, мой друг, мне всё казалось время
сном —
Бывали страшны сны, бывали и приятны;
Но значат ли что сны? Не суть ли только дым?

1787

Счастье истинно хранится

Счастье истинно хранится
Выше звезд, на небесах;
Здесь живя, ты не сможешь
Никогда найти его.
Есть здесь счастье едино,
Буде так сказать могу,

Коим в мире обладая,
Лучшим обладаешь ты.
Верна дружба! ты едина
Есть блаженство на земле;
Кто тобою усладился,
Тот недаром в мире жил.
Небеса благоволили
Смертным дружбу даровать,
Чтоб утешить их в несчастьи,
Сердце бедных усладить.
Буди ты благословенна,
Дружба, дар святой небес!
Буди жизни услаждением
Ты моей здесь на земле!
Но и дружбе окончатся
Время некогда придет;
Сама дружба нас заставит
После слезы проливать.
Время всем нам разлучиться
Непременно притечет;
Час настанет, друг увянет,
Яко роза в жаркий день.
Всё исчезнет, что ни видишь,
Всё погибнет на земле;
Самый мир сей истребится,
Пеплом будет в некий день.

Поэзия

*Die Lieder der gottlichen
Harfenspieler schallen mit Macht, wie
beseelend.*

Клопсток¹

Едва был создан мир огромный, велелепный,
Явился человек, прекраснейшая тварь,
Предмет любви творца, любовью рожденный;
Явился — весь сей мир приветствует его,
В восторге и любви, единою улыбкой.
Узрев собор красот и чувствуя себя,
Сей гордый мира царь почувствовал и Бога,
Причину бытия — толь живо ощутил
Величие творца, его премудрость, благость,
Что сердце у него в гимн нежный излилось,
Стремясь лететь к отцу... Поэзия святая!
Се ты в устах его, в источнике своем,
В высокой простоте! Поэзия святая!
Благословляю я рождение твое!
Когда ты, человек, в невинности сердечной,
Как роза цвел в раю, Поэзия тебе
Утехой была. Ты пел свое блаженство,
Ты пел творца его. Сам бог тебе внимал,

---

¹ Песни божественных арфистов звучат как одухотворенные. Клопшток. — Ред.

Внимал, благословлял твои святые гимны:
Гармония была душою гимнов сих —
И часто ангелы в небесных мелодиях,
На лирах золотых, хвалили песнь твою.
Ты пал, о человек! Поэзия упала;
Но дочь небес еще сияла лепотой,
Когда несчастный, вдруг раскаяся в грехе,
Молитвы воспевал — сидя на берегу
Журчащего ручья и слезы проливая,
В унынии, в тоске тебя воспоминал,
Тебя, эдемский сад! Почасту мудрый старец,
Среди сынов своих, внимающих ему,
Согласно, важно пел таинственные песни
И юных научал преданиям отцов.
Бывало иногда, что ангел ниспускался
На землю, как эфир, и смертных наставлял
В Поэзии святой, небесною рукою
Настроив лиры им —
Живее чувства выражались,
Звучнее песни раздавались,
Быстрее мчались к творцу.
Столетия текли и в вечность погружались —
Поэзия всегда отрадою была
Невинных, чистых душ. Число их уменьшалось;
Но гимн царю царей вовек не умолкал —
И в самый страшный день, когда пылало небо
И бурные моря кипели на земли,
Среди пучин и бездн, с невиннейшим

семейством

(Когда погибло всё) Поэзия спаслась.
Святый язык небес нередко унижался,
И смертные, забыв великого отца,
Хвалили вещество, бездушные планеты!
Но был избранный род, который в чистоте
Поэзию хранил и ею просвещался.
Так славный, мудрый бард, древнейший из
певцов,

Со всею красотой священной сей науки
Воспел, как мир истек из воли божества.
Так оный муж святой, в грядущее проникший,
Пел миру часть его. Так царственный поэт,
Родившись пастухом, но в духе просвещенный,
Играл хвалы творцу и песнию своей
Народы восхищал. Так в храме Соломона
Гремела богу песнь!

Во всех, во всех странах Поэзия святая
Наставницей людей, их счастием была;
Везде она сердца любовью согревала.
Мудрец, Натуру зная, познав ее творца
И слыша глас его и в громах и в зефирах,
В лесах и на водах, на арфе подражал
Аккордам божества, и глас сего поэта
Всегда был божий глас!

Орфей, фракийский муж, которого вся
древность
Едва не богом чтит, Поэзией смягчил

Сердца лесных людей, воздвигнул богу храмы
И диких научил всесильному служить.
Он пел им красоту Натуры, мироздания;
Он пел им тот закон, который в естестве
Разумным оком зрим; он пел им человека,
Достоинство его и важный сан; он пел,
И звери дикие сбегались,
И птицы стаями слетались
Внимать гармонии его;
И реки с шумом устремлялись,
И ветры быстро обращались
Туда, где мчался глас его.
Омир в стихах своих описывал героев —
И пылкий юный грек, вникая в песнь его,
В восторге восклицал: я буду Ахиллесом!
Я кровь свою пролью, за Грецию умру!
Дивиться ли теперь геройству Александра?
Омира он читал, Омира он любил. —
Софокл и Эврипид учили на театре,
Как душу возвышать и полубогом быть.
Бион и Теокрит и Мосхос воспевали
Приятность сельских сцен, и слушатели их
Пленялись красотой Природы без искусства,
Приятностью села. Когда Омир поет,
Всяк воин, всяк герой; внимая Теокриту,
Оружие кладут — герой теперь пастух!
Поэзии сердца, все чувства — всё подвластно.
Как Сириус блестит светлее прочих звезд,

Шекспир, Натуры друг! Кто лучше твоего
Познал сердца людей? Чья кисть с таким
искусством

Живописала их? Во глубине души
Нашел ты ключ ко всем великим тайнам рока
И светом своего бессмертного ума,
Как солнцем, озарил пути ночные в жизни!
«Все башни, коих верх скрывается от глаз
В тумане облаков; огромные чертоги
И всякий гордый храм исчезнут, как мечта, —
В течение веков и места их не сыщем», —
Но ты, великий муж, пребудешь незабвен³!
Мильтон, высокий дух, в гремящих страшных
песнях

Описывает нам бунт, гибель Сатаны;
Он душу веселит, когда поет Адама,
Живущего в раю; но голос ниспустив,
Вдруг слезы из очей ручьями извлекает,
Когда поет его, подпадного греху.
О Йонг, несчастных друг, несчастных
утешитель!

---

³ Сам Шекспир сказал:

The cloud cap'd towers, the gorgeous palaces,
The solemn temples, the great globe itself,
Yea, all which it inherits, shall dissolve,
And, like the baseless fabric of a vision,
Leave not a wreck behind.

Какая священная меланхолия вдохнула в него сии стихи?

Ты бальзам в сердце льешь, сушишь источник
слез,

И, с смертию дружа, дружишь ты нас и с
жизнью!

Природу возлюбив, Природу рассмотрев
И вникнув в круг времен, в тончайшие их тени,
Нам Томсон возгласил Природы красоту,
Приятности времен. Натуры сын любезный,
О Томсон! ввек тебя я буду прославлять!
Ты выучил меня Природой наслаждаться
И в мрачности лесов хвалить творца ее!
Альпийский Теокрит, сладчайший песнопевец!
Еще друзья твои в печали слезы льют —
Еще зеленый мох не виден на могиле,
Скрывающей твой прах! В восторге пел ты нам
Невинность, простоту, пастушеские нравы
И нежные сердца свирелью восхищал.
Сию слезу мою, текущую толь быстро,
Я в жертву приношу тебе, Астреин друг!
Сердечную слезу, и вздох, и песнь поэта,
Любившего тебя, прими, благослови,
О дух, блаженный дух, здесь в Геснере
блиставший⁴!

Несяся на крылах превыспренних орлов,
Которые певцов божественныя славы
Мчат в вышние миры, да тему почерпнут

---

⁴ Сии стихи прибавлены после.

Для гимна своего, певец избранный Клопшток
Вознесся выше всех, и там, на небесах,
Был тайнам научен, и той великой тайне,
Как бог стал человек. Потом воспел он нам
Начало и конец Мессииных страданий,
Спасение людей. Он богом вдохновен —
Кто сердцем всем еще привязан к плоти, к
миру,

Того язык немей, и песней толь святых
Не оскверняй хвалой; но вы, святые мужи,
В которых уже глас земных страстей умолк,
В которых мрака нет! вы чувствуете цену
Того, что Клопшток пел, и можете одни,
Во глубине сердец, хвалить сего поэта!
Так старец, отходя в блаженнейшую жизнь,
В восторге произнес: о Клопшток

несравненный⁵!

Еще великий муж собою красит мир —
Еще великий дух земли сей не оставил.
Но нет! он в небесах уже давно живет —
Здесь тень мы зрим сего священного поэта.
О россы! век грядет, в который и у вас
Поэзия начнет сиять, как солнце в полдень.
Исчезла нощи мгла — уже Авроры свет
В **** блестит, и скоро все народы
На север притекут светильник возжигать,

---

⁵ Я читал об этом в одном немецком журнале.

Как в баснях Прометей тек к огненному Фебу,
Чтоб хладный, темный мир согреть и осветить.
Доколе мир стоит, доколе человеки
Жить будут на земле, дотоле дочь небес,
Поэзия, для душ чистейших благом будет.
Доколе я дышу, дотоле буду петь,
Поэзию хвалить и ею утешаться.
Когда ж умру, засну и снова пробужусь, —
Тогда, в восторгах погружаясь,
И вечно, вечно наслаждаясь,
Я буду гимны петь творцу,
Тебе, мой бог, господь всеильный,
Тебе, любви источник дивный,
Узрев там всё лицом к лицу!

1787

Любовник Флоры не играет

Из письма к И. И. Дмитриеву

Любовник Флоры не играет,
Не резвится у нас в лугах;
Борей шумит, древа качает —
А мы сидим в своих домах.

18 мая 1788

К Дмитриеву

«Многие барды, лиру настроив,
Смело играют, поют;
Звуки их лиры, гласы их песней
Мчатся по рощам, шумят.
Многие барды, тоны возвысив,
Страшные битвы поют;
В звуках их песней слышны удары,
Стон пораженных и смерть.
Многие барды, тоны унизив,
Сельскую радость поют —
Нравы невинных, кротких пастушек,
Вздохи, утехи любви.
Многие барды в шумном восторге
Нам воспевают вино,
Всех призывая им утоляти
Скуку, заботы, печаль.
Все ли их песни трогают сердце,
Душу приводят в восторг?
Все ли Омиры, Геснеры, Клейсты?
Где Анакреон другой?
Мало осталось бардов великих!» —
Так воспевая, вздохнул;
Слезы из сердца тихо катятся;
Лира упала из рук.
Быстро зephyры с Невского берега,
Быстро несутся ко мне —

Веют — вливают сладкие песни,
Нежные песни в мой слух...
Я восхищаюсь! — В радости сердца
Громко взываю, пою:
«Древние барды дух свой влияли
В нового барда Невы!»

17 ноября 1788

Господину Дмитриеву на болезнь его

Болезнь есть часть живущих в мире;
Страдает тот, кто в нем живет.
В стране подлунной всё томится;
В юдоли сей покоя нет.
Но тем мы можем утешаться,
Что нам не век в сем мире жить;
Что скоро, скоро мы престанем
Страдать, стенать и слезы лить.
В страны блаженства вознесемся,
Где нет болезни, смерти нет.
Тогда, мой друг, тогда узнаем,
Почто страдали столько лет.
Тогда мы, светом озаряся,
Падем, поклонимся творцу;
В восторге слезы проливая,
Воскликнем к нашему отцу:

«Ты благ, премудр, могущ чудесно!
Ты всё во благо превратил,
Что нам великим злом казалось;
Ты нас к блаженству сотворил!»

1788

Весенняя песнь меланхолика

Зима свирепая исчезла,
Исчезли мразы, иней, снег;
И мрак, всё в мире покрывавший,
Как дым рассеялся, исчез.
Не слышим рева ветров бурных,
Страшивших странника в пути;
Не видим туч тяжелых, черных,
Текущих с севера на юг.
Весна с улыбкою приходит;
За нею следом мир течет.
На персях нежная Природы
Играет, резвится Зефир.
Дождь тихий с неба к нам лиется
И всё творение живит;
В полях все травы зеленеют,
И луг цветами весь покрыт.
Уже фиалка распустилась,
Смиренно под кустом цветет,

Амброзией питает воздух;
Не ждя похвал, благоворит.
На ветвях птички воспевают
Хвалу всещедрому творцу;
Любовь их песни соглашает,
Любовь сердца их веселит.
Овечки кроткие гуляют
И щиплют травку на лугах;
В сердцах любовь к творцу питают —
Без слов его благодарят.
Пастух играет на свирели,
Лежа беспечно на траве;
Питаясь духом благовонным,
Он хвалит красоту весны.
Везде, везде сияет радость,
Везде веселие одно;
Но я, печалью отягченный,
Брожу уныло по лесам.
В лугах печаль со мною бродит.
Смотря в ручей, я слезы лью;
Слезами воду возмущаю,
Волную вздохами ее.
Творец премудрый, милосердый!
Когда придет весна моя,
Зима печали удалится,
Рассеется душевный мрак?

Военная песнь

В чьих жилах льется кровь героев,
Кто сердцем муж, кто духом росс —
Тот презри негу, роскошь, праздность,
Забавы, радость слабых душ!
Туда, где знамя брани веет,
Туда, где гром войны гремит,
Где воздух стонет, солнце меркнет,
Земля дымится и дрожит;
Где жизнь бледнеет и трепещет;
Где злобы, клятвы, ада дщерь,
Где смерть с улыбкой пожирает
Тьмы жертв и кровь их жадно пьет, —
Туда спеши, о сын России!
Разить бесчисленных врагов!
Как столп огня, палящий нивы,
Теки, стремись по их рядам!
Перуном будь, и стрелы грома
Бросай на них и всех губи!
Да в буре гнева глас промчится:
Умри, умри, России враг!
Губи! — Когда же враг погибнет,
Сраженный храбростью твоей,
Смой кровь с себя слезами сердца:
Ты ближних, братьев поразил!

Анакреонтические стихи А. А. Петрову

Зефир прохладный веет,
И, Флору оставляя,
Зефир со мной играет,
Меня утешить хочет;
Печаль мою развеять
Намерен непременно.
Зефир! напрасно мыслишь
Меня развеселити,
Мне плакать не давая!
Ты в сердце не проникнешь,
Моя же горесть в сердце.
Но если ты намерен
Мне службу сослужити,
Лети, Зефир прекрасный,
К тому, который любит
Меня любовью нежной;
Лети в деревню к другу;
Найдя его под тенью
Лежащего покойно,
Ввей в слух его тихонько
Что ты теперь услышишь:
«Расставшись с тобою,
Чего не думал сделать?
Рассматривал я приему,
Желая то увидеть,
Что Ньютонову душу

Толико занимало,
Что Ньютоново око
В восторге созерцало.
Но, ах! мне надлежало
Тотчас себе признаться,
Что Ньютонова дара
Совсем я не имею;
Что мне нельзя проникнуть
В состав чудесный света,
Дробить лучей седмичных
Великого светила. —
Я Ньютона оставил.
Читая философов,
Я вздумал философом
Прослыть в ученом свете;
Схватив перо, бумагу,
Хотел писать я много
О том, как человеку
Себя счастливым сделать
И мудрым быть в сей жизни
Но, ах! мне надлежало
Тотчас себе признаться,
Что дух сих философов
Во мне не обитает;
Что я того не знаю,
О чем писать намерен. —
Вздыхнув, перо я бросил.
Шатаясь по рощам,

Внимая Филомеле,
Я Томсоном быть вздумал
И петь златое лето;
Но, ах! мне надлежало
Тотчас себе признаться,
Что Томсонова гласа
Совсем я не имею,
Что песнь моя несносна. —
Вздохнув, молчать я должен.
Теперь брожу я в поле,
Грущу и плачу горько,
Почувствуя, как мало
Талантов я имею». —
Зефир, Зефир прекрасный!
Лети в деревню к другу;
Найдя его под тенью
Лежащего покойно,
Ввей в слух его тихонько
Что ты теперь услышал.

1788 (?)

Гимн⁶

Перевод с английского

Четыре времена, в премежах ежегодных,
Ничто иное суть, как в разных видах бог.
Вращающийся год, отец наш всемогущий,
Исполнен весь тебя. Приятною весной
Повсюду красота твоя, господь, сияет,
И нежность и любовь твоя везде видна.
Краснеются поля, бальзамом воздух дышит,
И эхо по горам разносится, звучит;
С улыбкою леса главу свою поднимают —
Веселием живут все чувства и сердца.
Грядет к нам в летних днях твоя, о боже! слава;
Повсюду на земле блистает свет и жар;
От солнца твоего лиется совершенство
На полнящийся год; и часто к нам твой глас,
Свод неба потряся, вещает в страшных громах;
И часто на заре, в середине жарких дней,
В тенистом вечеру, по рощам и потокам,
Приятно шепчет он в прохладном ветерке.
В обильной осени твоя безмерна благодать
И милость без конца бывает нам явна,
Всеобщее празднество для тварей учреждая.

---

⁶ Сим гимном заключает Томсон свою поэму «Сезон».

Зимою страшен ты! Там бури, облака
Свивая вокруг себя, гоняя вьюгу вьюгой,
В величественной тьме на вихрях вознесясь,
Ты мир благоговеть со страхом заставляешь;
Натуру всю смирит шумливый твой Борей!
О таинственный круг! Какой великий Разум,
Какую силу в сем глубоко ощутишь!
Простейший оборот, но благо учрежденный, —
Столь мудро и добро, добро для тварей всех, —
Столь неприметно тень в другую переходит,
И в целом, вместе всё так стройно, хорошо,
Что всякий новый вид вновь сердце восхищает.
Но часто человек, в безумии бродя,
Совсем не зрит тебя, твоей руки всесильной,
Чертящей в тишине безмолвных сфер пути
И действующей в сей сокрытой, тайной бездне,
Откуда чрез пары те блага шлешь ты к нам,
Которые весну всегда обогащают, —
Руки, которая огнем палящий день
Из солнца прямо к нам на землю извергает,
Питает тварей всех и бури мечет вниз;
Которая — когда приятная премена
Является везде на радостной земле —
Восторгом движет все пружины жизни в мире.
Внимай Натура вся! и всё, что в ней живет,
Соединись под сим пространным храмом неба,
Усердием горя воспеть всеобщий гимн!
Приятные певцы, прохладные Зефиры,

Да веете тому, чей дух дышает в вас!
Вещайте вы о нем во тьмах уединенных,
Где сосна на горе, едва качая верх,
Священных ужасов мрак теней исполняет!
И вы, которых рев слух издали разит
И весь смятенный мир приводит в ужас, в трепет!
Возвысьте к небесам свою бурливу песнь!
Поведайте, кто вас толь грозно разъяряет!
Журчите вы, ручьи, трепещущий поток,
Журчите песнь ему, хвалу его гласите,
Вещайте мне сию сладчайшую хвалу,
Когда я в тишине глубоко размышляю!
Вы, реки быстрые, кипящи глубины —
Кротчайшая вода, блестящим лабиринфом
Текущая в лугах, — великий Океан,
Мир тайный, мир чудес, чудес неисчислимых!
Воскликните его предивную хвалу,
Того, который вам величественным гласом
Шуметь и утихать мгновенно, вдруг велит!
Чистейший фимиам все вкупе воскурите,
Травы, цветы, плоды, в смешенных облаках
Тому, который вас всех солнцем возвышает,
Дыханием своим вливает запах сей
И кистию своей толь чудно испещряет!
Качайтесь, леса, волнуйтесь, нивы все,
Волнуйтесь ему и песнь свою ввевайте
В сердечный слух жнецу, когда идет домой,
На отдых по труде, при лунном кротком свете!

Вы, стражи в небесах, когда без чувств земля
В глубоком сне лежит, — созвездия! излейте
Кротчайшие лучи, когда на тверди сей,
Блистающей в огнях, все ангелы играют
На лирах серебряных! О ты, источник дня,
Великого творца внизу здесь лучший образ,
О солнце, — что всегда из мира в мир лиешь
Сей жизни океан! пиши на всей Nature
Огнем лучей своих хвалу сего творца!
Гремит ужасный гром!.. Молчи благоговейно,
Преклонший выю мир, доколе облака,
Едино за другим, поют сей гимн великий!
Да холмы возгласят бляение свое!
Удерживайте звук, громады мшистых камней!
Долины да гласят отзывный громкий рев!
Великий пастырь царь, и царство безмятежно
Сего царя царей еще приидет впредь.
Проснитесь все леса! из роц да изнесется
Пространнейшая песнь! Когда ж мятежный день,
Кончаяся, весь мир вертящийся повергнет
В дремоту, в крепкий сон, — сладчайшая из птиц,
Прогнеина сестра! пленяй молчащи тени
И нощи возвещай премудрого хвалу!
А вы, для коих всё творение ликует, —
Вы сердце и глава всего, всего язык!
Вам должно увенчать сей важный гимн Природы!
В обширных городах толпящийся народ!

Соедини свой глас с глубоким сим органом⁷,
Долгоотзывный глас, который по часам,
Сквозь толстый, шумный бас, в торжественные
стойки

Пронзительно звучит; и как единый жар,
Смешаяся с другим, жар общий увеличит,
В усердии все вдруг возвысьте вы его, —
Возвысьте все свой глас к превыспреннему небу!
Когда же лучше вам густые тени сел,
Когда для вас суть храм священныя дубравы, —
То пусть всегда свирель пастушья, девы песнь —
Прелестный серафим, в восторги приводящий, —
И лира бардова там бога всех времен,
Во всё течение их согласно воспевают!
А если б я забыл любезный свой предмет,
Когда цветут цветы, луч солнца жжет равнину
И осень на земле, лия в сердца восторг,
Сияет и блестит; когда с востока ветры,
Навея мрак на всё, к нам зиму принесут, —
То пусть тогда язык мой вовсе онемеет,
Утратит мысль моя всю живость, весь свой жар
И, радостям умрев, забудет сердце биться!
Хотя бы мне судьба на отдаленный край
Зеленяя земли сокрыться повелела —
В те дальние страны, где варвары живут,

---

⁷ Кто знает музыку, тому не странно покажется выражение глубокий орган, т. е. орган, издающий глубокие тоны.

К рекам, которых ввек не поминали песни,
Где солнце наперед лучом своим златит
Верхи Индийских гор, где луч его вечерний
Блестит посреде Атлантических островов, —
Равно то для меня, когда господь присутствен
И чувствуем везде: в пустынях и степях,
Равно как в городах, наполненных народом, —
Где жизнью дышит он, там радость быть должна.
Когда же наконец настанет час важнейший
Мистический полет мой окрилить в миры,
Которым быти впредь, — я рад повиноваться;
И там, усилясь вновь, начну я воспевать
Велики чудеса, которые увижу.
Куда я ни пойду, везде, везде узрю
Всеобщая Любви блаженную улыбку;
Любви, которою круги миров стоят,
Живут все их сыны и коя вечно благо
Выводит из того, что кажется нам злом,
Из блага лучшее, и лучшее во веки...
Конца сей цепи нет. Но я теряюсь в нем,
Теряюсь совсем в Неизреченном Свете.
Молчание! гряди витийственно вникать,
Вникать в хвалу его!..

Граф Гваринос

Древняя гишпанская историческая песня

Худо, худо, ах, французы,
В Ронцевале было вам!
Карл Великий там лишился
Лучших рыцарей своих.
И Гваринос был поиман
Многим множеством врагов;
Адмирала вдруг пленили
Семь арабских королей.
Семь раз жеребей бросают
О Гвариносе цари;
Семь раз сряду достается
Марлотесу он на часть.
Марлотесу он дороже
Всей Аравии большой.
«Ты послушай, что я молвлю,
О Гваринос! — он сказал, —
Ради Аллы, храбрый воин,
Нашу веру прими!
Всё возьми, чего захочешь,
Что приглянется тебе.
Дочерей моих обеих
Я Гвариносу отдам;
На любой из них женися,
А другую так возьми,

Чтоб Гвариносу служила,
Мыла, шила на него.
Всю Аравию приданым
Я за дочерью отдам».
Тут Гваринос слово молвил;
Марлотесу он сказал:
«Сохрани господь небесный
И Мария, мать его,
Чтоб Гваринос, христианин,
Магомету послужил!
Ах! во Франции невеста
Дорогая ждет меня!»
Марлотес, пришедши в ярость,
Грозным голосом сказал:
«Вмиг Гвариноса окуйте,
Нечестивого раба;
И в темницу преисподню
Засадите вы его.
Пусть гниет там понемногу,
И умрет, как бедный червь!
Цепи тяжки, в семь сот фунтов,
Возложите на него,
От плеча до самой шпоры». —
Страшен в гнев Марлотес!
«А когда настанет праздник,
Пасха, Святки, Духов день,
В кровь его тогда секите
Пред глазами всех людей».

Дни проходят, дни приходят,
И настал Иванов день;
Христиане и арабы
Вместе празднуют его.
Христиане сыплют галгант⁸;
Мирты мечет всякий мавр⁹.
В почесть празднику заводит
Разны игры Марлотес.
Он высоко цель поставил,
Чтоб попасть в нее копьем.
Все свои бросают копья,
Все арабы метят в цель.
Ах, напрасно! нет удачи!
Цель для слабых высока.
Марлотес велел во гневе
Через герольда объявить:
«Детям груди не сосати,
А большим не пить, не есть,
Если цели сей на землю
Кто из мавров не сшибет!»
И Гваринос шум услышал
В той темнице, где сидел.
«Мать святая, чиста дева!

---

⁸ Индейское растение.

⁹ В день св. Иоанна гишпанцы усыпали улицы галгантом и митрами.

Что за день такой пришел?
Не король ли ныне вздумал
Выдать замуж дочь свою?
Не меня ли сечь жестоко
Час презлой теперь настал?»
Страж темничный то подслушал.
«О Гваринос! свадьбы нет;
Ныне сечь тебя не будут;
Трубный звук не то гласит...
Ныне праздник Иоаннов;
Все арабы в торжестве.
Всем арабам на забаву
Марлотес поставил цель.
Все арабы копья мечут,
Но не могут в цель попасть;
Почему король во гневе
Через герольда объявил:
«Пить и есть никто не может,
Буде цели не сшибут».
Тут Гваринос встрепенулся;
Слово молвил он сие:
«Дайте мне коня и сбрую,
С коей Карлу я служил;
Дайте мне копьё булатно,
Коим я врагов разил.
Цель тотчас сшибу на землю,
Сколь она ни высока.
Если ж я сказал неправду,

Жизнь моя у вас в руках».
«Как! — на то тюремщик молвил, —
Ты семь лет в тюрьме сидел,
Где другие больше года
Не могли никак прожить;
И еще ты думать можешь,
Что сшибешь на землю цель? —
Я пойду сказать инфанту,
Что теперь ты говорил».
Скоро, скоро спешает
Страж темничный к королю;
Приближается к инфанту
И приносит весть ему:
«Знай: Гваринос христианин,
Что в тюрьме семь лет сидит,
Хочет цель сшибить на землю,
Если дашь ему коня».
Марлотес, сие услышав,
За Гвариносом послал;
Царь не думал, чтоб Гваринос
Мог еще конем владеть.
Он велел принести всю сбрую
И коня его сыскать.
Сбруя ржавчиной покрыта,
Конь возил семь лет песок.
«Ну, ступай! — сказал с насмешкой
Марлотес, арабский царь. —
Покажи нам, храбрый воин,

Как сильна рука твоя!»
Так, как буря разъяренна,
К цели мчится сей герой;
Мечет он копьё булатно —
На земле вдруг цель лежит.
Все арабы взволновались,
Мечут копыя все в него;
Но Гваринос, воин смелый,
Храбро их мечом сечет.
Солнца свет почти затмился
От великого числа
Тех, которые стремились
На Гвариноса все вдруг.
Но Гваринос их рассеял
И до Франции достиг.
Где все рыцари и дамы
С честью приняли его.

1789

Осень

Веют осенние ветры
В мрачной дубраве;
С шумом на землю валятся
Желтые листья.
Поле и сад опустели;
Сетуют холмы;

Пение в рощах умолкло —
Скрылися птички.
Поздние гуси станицей
К югу стремятся,
Плавным полетом несяся
В горних пределах.
Вьются седые туманы
В тихой долине;
С дымом в деревне мешаясь,
К небу восходят.
Странник, стоящий на холме,
Взором унылым
Смотрит на бледную осень,
Томно вздыхая.
Странник печальный, утешься!
Вянет Природа
Только на малое время;
Всё оживится,
Всё обновится весною;
С гордой улыбкой
Снова Природа восстанет
В брачной одежде.
Смертный, ах! вянет навеки!
Старец весною
Чувствует хладную зиму
Ветхия жизни.

Выздоровление

Нежная мать Природа!
Слава тебе!
Снова твой сын оживает!
Слава тебе!
Сумрачны дни мои были.
Каждая ночь
Медленным годом казалась
Бедному мне.
Желчию облито было
Всё для меня;
Скука, уныние, горесть
Жили в душе.
Черная кровь возмущала
Ночи мои
Грозными, страшными снами,
Адской мечтой.
Томное сердце вздыхало
Ночью и днем. —
Тронули мать Природу
Вздохи мои.
Перст ее, к сердцу коснувшись,
Кровь разжидил;
Взор ее светлый рассеял
Мрачность души.
Всё для меня обновилось;
Всем веселюсь:

Солнцем, зарею, звездами,
Ясной луной.
Сон мой приятен и кроток;
Солнечный луч
Снова меня призывает
К радостям дня.

13 декабря 1789, Женева

Мишеньке

Итак, ты хочешь песни,
Любезный, милый отрок?
Не всем пою я песни,
И редко, очень редко
За арфу принимаюсь.
В моих весенних летах
Я пел забавы детства,
Невинность и беспечность.
Потом, в зрелейших летах,
Я пел блаженство дружбы,
С любезным Агатоном
В восторге обнимаясь.
Я пел хвалу Никандру,
Когда он беззащитным
Был верною защитой
И добрыми делами
Ни мало не хвалился.

Я пел хвалу Наукам,
Которые нам в душу
Свет правды проливают;
Которые нам служат
В час горестный отрадой.
Где снежные громады
Луч солнца погашают;
Где мрачный, острый Шрекгорн¹⁰
Гром, бури отражает
И страшные лавины¹¹
В долины низвергает, —
Там в ужасе я славил
Величие Натуры.
В странах, где Эльба, Рейн
И Сона быстро мчатся
Между берегов цветущих,
Я пел Природы щедрость,
Приятность, миловидность.
Теперь, любезный отрок,
Тебе пою я песню.
В долинах мирных, тихих,
За снежными горами,
Живет мудрец великой¹²,

---

¹⁰ Одна из высочайших гор в Швейцарии.

¹¹ Так называются в Швейцарии кучи снега, катящиеся с гор.

Который научает,
Как можно в наших лицах
Всю душу ясно видеть.
Недолго я учился,
Однако ж знаю нечто,
Чему мудрец сей учит.
В тот день, как ты родился,
Природа улыбалась;
Твоя душа любезна,
Подобно сей улыбке
Прекрасная Природы.
Цвети, любезный отрок!
Любя добро всем сердцем,
Ты будешь счастлив в жизни;
Она подобна будет
Приятнейшей улыбке
Прекрасная Природы.

11 июня 1790, Лондон

Филлиде

Проснись, проснись, Филлида!
Взгляни на день прекрасный,
В который ты родилась!

---

12 Лафатер, известный в ученом свете по своим физиономическим сочинениям.

Смотри, как он гордится
И яркими лучами
На зелени играет!
Смотри, как вся Природа
Ликует, веселится!
Взгляни же и на друга,
Который для прелестной
Принес цветов прелестных
И арфу златострунну,
Чтоб радостную песню
Сыграть на ней Филлиде,
В счастливый день рожденья
Красавицы любезной,
И в нежной мелодии
Излить желанья дружбы.
Да будет год твой красный
Единым майским утром,
Которое питает
Ясины и лилеи
И дух их ароматный
В зефирах развеивает!
Будь радостна, беспечна,
Как радостен, беспечен
Певец весны и утра,
Виясь под облаками!
Когда ж вздохнуть захочешь —
Увы! где свет без тени? —
Да будет вздох твой кроток!

И если в нежных чувствах
Слезу прольешь из сердца,
Блистай она подобно
Росе на юных розах,
Живящей цвет их алый!
В чудесном же искусстве,
Любовию найденном,
Будь в год сей Прометеем,
Жизнь в мертвое вливая!
Пиши блестящий образ
Земного совершенства —
Представь нам Аполлона,
И вдруг, когда потужишь,
Что юноша не дышит, —
Да оживится образ,
И, став перед тобою...
Филлида! я умолкну.

1790

Из «Писем русского путешественника»

Алина

О дар, достойнейший небес,
Источник радости и слез,
Чувствительность! сколь ты прекрасна,
Мила, — но в действиях несчастна!..

Внимайте, нежные сердца!
В стране, украшенной дарами
Природы, щедрого творца,
Где Сона светлыми водами
Кропит зеленые брега,
Сады, цветущие луга,
Алина милая родилась;
Пленяла взоры красотой,
А души ангельской душой;
Пленяла — и сама пленилась.
Одна любовь в любви закон,
И сердце в выборе невластно:
Что мило, то всегда прекрасно;
Но нежный юноша Милон
Достоин был Алины нежной;
Как старец, в младости умен,
Любезен всем, от всех почтен.
С улыбкой гордой и надежной
Себе подруги он искал;
Увидел — вольности лишился:
Алине сердцем покорился;
Сказав: люблю! ответа ждал...
Еще Алина слов искала;
Боялась сердцу волю дать,
Но всё молчанием сказала. —
Друг друга вечно обожать
Они клялись чистосердечно.
Но что в минутной жизни вечно?

Что клятва? — искренний обман!
Что сердце? — ветреный тиран!
Оно в желаньях своевольно
И самым счастьем — недовольно.
И самым счастьем! — Так Милон,
Осыпанный любви цветами,
Ее нежнейшими дарами,
Вдруг стал задумчив. Часто он,
Ласкаемый подругой милой,
Имел вид томный и унылый
И в землю потуплял глаза,
Когда блестящая слеза
Любви, чувствительности страстной
Катилась по лицу прекрасной;
Как в пламенных ее очах
Стыдливость с нежностью сражалась,
Грудь тихо, тайно волновалась,
И розы тлели на устах.
Чего ему недоставало?
Он милой был боготворим!
Прекрасная дышала им!
Но верх блаженства есть начало
Унылой томности в душах;
Любовь, восторг, холодность смежны.
Увы! почто ж сей пламень нежный
Не вместе гаснет в двух сердцах?
Любовь имеет взор орлиный:
Глаза чувствительной Алины

Могли ль премены не видать?
Могло ль ей сердце не сказать:
«Уже твой друг не любит страстно»?
Она надеется (напрасно!)
Любовь любовью обновить:
Ее легко найти исканьем,
Всегдашней ласкою, стараньем;
Но чем же можно возвратить?
Ничем! в немилком всё немило.
Алина — то же, что была,
И всех других пленять могла,
Но чувство друга к ней остыло;
Когда он с нею — скука с ним.
Кто нами пламенно любим,
Кто прежде сам любил нас страстно,
Тому быть в тягость наконец
Для сердца нежного ужасно!
Милон не есть коварный льстец:
Не хочет больше притворяться,
Влюбленным без любви казаться —
И дни проводит розно с той,
Которая одна, без друга,
Проводит их с своей тоской.
Увы! несчастная супруга
В молчании страдать должна...
И скоро узнает она,
Что ветреный Милон другою
Любезной женщиной пленен;

Что он сражается с собою
И, сердцем в горесть погружен,
Винит жестокость злой судьбины¹³!
Удар последний для Алины!
Ах! сердце друга потерять
И счастью его мешать
В другом любимом им предмете —
Лютее всех мучений в свете!
Мир хладный, жизнь противны ей;
Она бежит от глаз людей...
Но горесть лишь себе находит
Во всем, везде, где б ни была!..
Алина в мрачный лес приходит
(Несчастливым тень лесов мила!)
И видит храм уединенный,
Остаток древности священный;
Там ветер в развалинах свистит
И мрамор желтым мхом покрыт;
Там древность божеству молилась;
Там после, в наши времена,
Кровь двух любовников струилась:
Известны свету имена
Фальдони, нежные Терезы¹⁴;

---

¹³ Женщина, в которую Милон был влюблен, по словам госпожи Н., сама любила его, но имела твердость отказать ему от дому, для того, что он был женат.

¹⁴ См. III часть «Писем русского путешественника».

Они жить вместе не могли
И смерть разлуке предпочли.
Алина, проливая слезы,
Равняет жребий их с своим
И мыслит: «Кто любя любим,
Тот должен быть судьбой доволен,
В темнице и в цепях он волен
Об друге сладостно мечтать —
В разлуке, в горестях питать
Себя надеждою счастливой.
Неблагодарные! зачем
В жару любви нетерпеливой
И в исступлении своем
Вы небо смертью оскорбили?
Ах! мне бы слезы ваши были
Столь милы, как... любовь моя!
Но счастьем полным насладиться,
Изменой вдруг его лишиться
И в тягость другу быть, как я...
В подобном бедствии нас должно
Лишь богу одному судить!..

Церковь, в которой они застрелились, построена на развалинах древнего храма, как сказывают. Все, что здесь говорит или мыслит Алина, взято из ее журнала, в котором она почти с самого детства записывала свои мысли и который хотела сжечь, умирая, но не успела. За день до смерти несчастная ходила на то место, где Фальдони и Тереза умертвили себя.

Когда мне здесь уже не можно
Для счастья супруга жить,
Могу еще, назло судьбине,
Ему пожертвовать собой!»
Вдруг обнаружились в Алине
Все признаки болезни злой,
И смерть приблизилась к несчастной.
Супруг у ног ее лежал;
Неверный слезы проливал
И снова, как любовник страстный,
Клялся ей в нежности, в любви;
(Но поздно!) говорил: «Живи,
Живи, о милая! для друга!
Я, может быть, виновен был!»
— «Нет! — томным голосом супруга
Ему сказала, — ты любил,
Любил меня! и я сердечно,
Мой друг, благодарю тебя!
Но если здесь ничто не вечно,
То как тебе винить себя?
Цвет счастья, жизнь, ах! всё неверно!
Любви блаженство столь безмерно,
Что смертный был бы самый бог,
Когда б продлить его он мог...
Ничто, ничто моей кончины
Уже не может отвратить!
Последний взор твоей Алины
Стремится нежность изъяснить...

Но дай ей умереть счастливо;
Дай слово мне — спокойным быть,
Снести потерю терпеливо
И снова — для любви жить!
Ах! если ты с другою будешь
Дни в мирных радостях вести,
Хотя Алину и забудешь,
Довольно для меня!.. Прости!
Есть мир другой, где нет измены,
Нет скуки, в чувствах перемены,
Там ты увидишься со мной
И там, надеюсь, будешь мой!..»
Навек закрылся взор Алины.
Никто не мог понять причины
Сего внезапного конца;
Но вы, о нежные сердца,
Ее, конечно, угадали!
В несчастьи жизнь нам немила...
Спросили медиков: узнали,
Что яд Алина приняла...
Супруг, как громом пораженный,
Хотел идти за нею вслед;
Но, гласом дружбы убежденный,
Остался жить. Он слезы льет;
И сею горестною жертвой
Суд неба и людей смягчил,
Живой Алине изменил,
Но хочет верным быть ей мертвой!

Песня Арфиста

Я в бедности на свет родился
И в бедности воспитан был;
Отца в младенчестве лишился
И в свете сиротою жил.
Но бог, искусный в песнопеньи,
Меня, сиротку, полюбил;
Явился мне во сновиденьи
И арфу с ласкою вручил;
Открыл за тайну, как струною
С сердцами можно говорить
И томной, жалкою игрою
Всех добрых в жалость приводить.
Я арфу взял — ударил в струны;
Смотрю — и в сердце горя нет!..
Тому не надобно Фортуны,
Кто с Фебом в дружестве живет!

Песня Цюрихского юноши

Отечество мое!
Любовию к тебе горит вся кровь моя;
для пользы твоя готов ее пролить;
умру твоим нежнейшим сыном.
Отечество мое!
Ты все в себе вмещаешь,
чем смертный может наслаждаться в невинности

своей.

В тебе прекрасен вид Природы;
в тебе целителен и ясен воздух;
в тебе земные блага рекою полною лиются.
Отечество мое!

Любовию к тебе горит вся кровь моя;
для пользы твоя готов ее пролить;
умру твоим нежнейшим сыном.
Мы все живем в союзе братском;
друг друга любим,
не боимся и чтим того, кто добр и мудр.
Не знаем роскоши, которая свободных в рабов,
в тиранов превращает.
На что нам блеск искусств,
когда Природа здесь сияет во всей своей красе —
когда мы из груди ее пием блаженство и
восторг?

Отечество мое!
Любовию к тебе горит вся кровь моя;
для пользы твоя готов ее пролить;
умру твоим нежнейшим сыном.

Из мелодрамы «Ветр Великий»

Жил был в свете добрый царь,
Православный государь.
Все сердца его любили,
Все отцом и другом чтили.

Любит царь детей своих;
Хочет он блаженства их:
Сан и пышность забывает,
Трон, порфиру оставляет.
Царь как странник в путь идет
И обходит целый свет.
Посох есть ему — держава,
Все опасности — забава.
Для чего ж оставил он
Царский сан и светлый трон?
Для чего ему скитаться,
Хладу, зною подвергаться?
Чтоб везде добро собирать,
Душу, сердце украшать
Просвещения цветами,
Трудолюбия плодами.
Для чего ж ему желать
Душу, сердце украшать
Просвещения цветами,
Трудолюбия плодами?
Чтобы мудростью своей
Озарить умы людей,
Чад и подданных прославить
И в искусстве жить наставить.
О великий государь!
Первый, первый в свете царь!
Всю вселенную пройдете,
Но другого не найдете.